

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Пышка

Мажор

НЕ
ЛЮБОВЬ

ART WRITER
(He) Любовь

«Автор»

2026

WRITER A.

(He) Любовь / A. WRITER — «Автор», 2026

— Мне нужно, чтобы ты притворилась моей девушкой. На время. Просто для видимости. Я уставилась на него, как на сумасшедшего. Это была шутка. Должна была быть. Но он не смеялся.— Ты серьезно? — спросила я, отставляя чашку. — Орлов, ты головой ударился? Почему я? В университете сотни девушек, которые мечтают о такой «роли». Иди и выбери любую.— В том-то и дело, — он подался вперед, понизив голос. — Мне не нужна фанатка, которая потом будет бегать за мной и требовать продолжения банкета. Мне не нужна девушка из нашей «тусовки», потому что это создаст кучу сплетен и проблем. Мне нужен кто-то незаметный.

Содержание

Глава 1. (He) Заметная	5
Глава 2. (He) Свидание	9
Глава 3. (He) Пара	16
Глава 4. (He) Привычка	22
Глава 5. (He) Привычка	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

ART WRITER

(He) Любовь

Глава 1. (He) Заметная

Все знают, что в университете есть своя иерархия. Это негласный закон, который впитываешь с первой недели, как запах дешевого кофе из автомата в холле. На вершине пищевой цепочки — они. Те, чьи имена знают даже преподаватели, которые делают вид, что им все равно. Те, кто не ходит по коридорам, а шествует, рассекая толпу, как ледоколы — серые, блестящие, уверенные в своем праве на первенство. Такие, как Максим Орлов и его свита. Красавчик, капитан баскетбольной команды, сын декана экономического. Он был не просто популярен — он был *событием*. Девушки вздыхали, парни ему завидовали или уважали, третьего не дано.

И был я.

Я — Алиса. Алиса Ковалева. Студентка третьего курса филологического факультета, специализация — русская литература XX века. Двадцать лет. И да, я пышка. Не «девушка с формами», не «фигуристая» — а именно пышка. Я не вписывалась ни в одну из категорий. Я не была серой мышкой, которая прячется в библиотеке (хотя проводила там много времени), но я и не была заметной. Я была фоном. Элементом интерьера, который замечаешь, только если он вдруг пропадет. Как старый диван в читальном зале: все на нем сидят, но никто не помнит, какого он цвета.

Моя жизнь текла по накатанной колее: лекции, семинары, подработка в студенческом журнале (верстка, никто не любит верстку), вечера с книгой и пледом, редкие вылазки в кино с единственной подругой Варей. Варя — это мой социальный мост в мир нормальных людей. Она знает всех, везде бывает, и именно от нее я узнаю новости вселенной, которая вращается где-то там, за пределами моей комнаты в общежитии.

— Ты знаешь, что Орлов вчера расстался с Ленкой из ПР-отдела? — спросила она меня однажды утром, пока мы стояли в очереди за отвратительными сосисками в тесте в университетской столовой.

Я пожалала плечами, пытаясь не запачкать пальто горчицей.

— Мне-то что?

— Как что! Это же сенсация! Они встречались три месяца. Она уже всем рассказала, что он сделал ей предложение... почти. А он взял и все отменил. Говорят, из-за какой-то ерунды. Он такой, — она закатила глаза, — ветреный.

Я не стала комментировать. Максим Орлов и его личная жизнь меня не интересовали. Он был из другого мира. Мира, где люди ходят на вечеринки в закрытые клубы, носят брендовые вещи и их проблемы измеряются количеством лайков под фото в инстаграме. Я жила в мире, где нужно было сдать курсовую по Булгакову до пятницы и где мой вес был не поводом для шуток, а просто фактом биографии. Как цвет волос. Как рост.

Я не то чтобы стеснялась своего тела. Скорее, я с ним смирилась. Это как жить в съемной квартире с неудобной планировкой: ты знаешь, что никогда не сделаешь здесь ремонт, но ты приноровилась ставить шкаф в нишу и не спотыкаться о порог. Я носила удобные вещи: джинсы с высокой посадкой, свободные свитера, длинные кардиганы. Я не пыталась втиснуть себя в тренды, которые мне не шли. Это был мой панцирь. Теплый, уютный, надежный. И совершенно незаметный.

Тот день начался как обычно. Понедельник. Самый ненавистный день недели. Я сидела на лекции по истории зарубежной литературы, пытаюсь не заснуть под монотонный голос преподавателя, который рассказывал о символизме в поэзии Бодлера. В аудитории было душно, пахло пылью и старыми книгами. Я рисовала в блокноте цветочки, потому что конспектировать этот поток сознания было решительно невозможно.

Внезапно дверь аудитории со скрипом отворилась. Это было настолько неожиданно, что даже наш обычно невозмутимый профессор сбился с мысли и поправил очки. На пороге стоял Максим Орлов.

Он был одет не по погоде — в легкую кожаную куртку поверх белой футболки, джинсы, кроссовки. Его темные волосы были слегка взъерошены, а на губах играла та самая полуулыбка, которая, по слухам, сводила с ума половину женского населения кампуса. Он окинул взглядом аудиторию, задержался на пару секунд на пустых местах на задних рядах, и, не извинившись, прошел внутрь. Сел на свободное место у окна, недалеко от меня.

Я почувствовала, как напряглась атмосфера. Девушки впереди меня начали поправлять волосы и шептаться. Парни выпрямили спины. Я же просто опустила глаза в свой блокнот, продолжив рисовать. Мне не было до него дела.

Лекция продолжилась, но я уже не слышала профессора. Я чувствовала на себе взгляд. Не навязчивый, но отчетливый. Он смотрел в мою сторону. Я украдкой бросила взгляд из-под ресниц. Орлов смотрел прямо на меня. Наши глаза встретились на долю секунды, и я тут же отвернулась, чувствуя, как краска заливает щеки. «Показалось», — подумала я. Зачем ему смотреть на меня? В аудитории полно красивых, стройных девушек.

После лекции я быстро собрала вещи, стараясь уйти раньше, чем начнется обычная суэта. Но не успела. Когда я выходила из аудитории, меня окликнули.

— Эй, Ковалева!

Голос был низкий, уверенный. Я обернулась. Орлов стоял, прислонившись к стене, скрестив руки на груди. Он смотрел на меня сверху вниз, потому что был на голову выше.

— Ты меня знаешь? — спросила я, нахмурившись. Глупый вопрос, конечно. Его все знали. Но я-то думала, что я для него — пустое место.

— Алиса. Третий курс, филфак. Верстаешь журнал. Сидишь в библиотеке на третьем этаже у окна. Пьешь чай с лимоном из термоса. — Он перечислял это с такой будничной уверенностью, что мне стало не по себе. — И у тебя нет парня.

Кровь прилила к лицу. Это было грубо. И неожиданно точно.

— Это не твоё дело, — отрезала я, разворачиваясь, чтобы уйти.

— Подожди. — Он схватил меня за локоть. Не больно, но достаточно крепко, чтобы остановить. Я замерла. Никто из парней никогда меня так не хватал. — Мне нужно с тобой поговорить. Серьезно.

Я сбросила его руку. Мое сердце колотилось где-то в горле. Что ему нужно? Если это какой-то спор или идиотская шутка, я не собиралась в этом участвовать.

— Говори здесь, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твердо.

Он огляделся по сторонам. Коридор наполнялся студентами. Парочка девчонок с соседнего потока остановились неподалеку, явно прислушиваясь.

— Не здесь. Давай в кофейне через дорогу. Через час. — Это прозвучало не как просьба, а как приказ.

— С какой стати я должна...

— Это важно, — перебил он. В его глазах промелькнуло что-то похожее на отчаяние. Или мне показалось? — Пожалуйста.

Слово «пожалуйста» из его уст прозвучало так странно, что я на секунду потеряла дар речи. Максим Орлов, который, казалось, никогда никого ни о чем не просил, сказал «пожалуйста» мне. Толстой, незаметной Алисе.

Любопытство — это мой главный враг. Оно погубило не одну кошку, и, видимо, собиралось погубить и меня.

— Ладно, — выдохнула я. — Через час.

Кофейня «Кофе и точка» была популярным местом среди студентов, но в час дня там было относительно свободно. Я пришла первой, заказала себе капучино и села за столик в углу, спиной к стене. Так я чувствовала себя в безопасности. Я нервно крутила в руках телефон, не зная, чего ожидать. Вариантов было два: либо он надо мной издевается, либо ему действительно что-то нужно. Но что может быть нужно самому популярному парню университета от такой, как я?

Он вошел через десять минут. Увидел меня, кивнул и направился к столику, по пути бросив баристе: «Американо, двойной». Сел напротив. Между нами стояла маленькая ваза с искусственным цветком.

Он молчал, глядя в свою чашку. Я тоже молчала, ожидая. Первой начинать разговор не хотелось.

— Слушай, — начал он наконец, поднимая на меня глаза. Вблизи они были темно-карими, почти черными. И в них читалась усталость. — Я знаю, это прозвучит странно. Но мне нужна твоя помощь.

— Моя? — я не смогла сдержать усмешки. — Чем я могу помочь тебе?

— Ты можешь... сыграть одну роль.

Я поперхнулась кофе.

— Что, прости?

— Мне нужно, чтобы ты притворилась моей девушкой. На время. Просто для видимости.

Я уставилась на него, как на сумасшедшего. Это была шутка. Должна была быть. Но он не смеялся.

— Ты серьезно? — спросила я, отставляя чашку. — Орлов, ты головой ударился? Почему я? В университете сотни девушек, которые мечтают о такой «роли». Иди и выбери любую.

— В том-то и дело, — он подался вперед, понизив голос. — Мне не нужна фанатка, которая потом будет бегать за мной и требовать продолжения банкета. Мне не нужна девушка из нашей «тусовки», потому что это создаст кучу сплетен и проблем. Мне нужен кто-то... незаметный.

Он сказал это слово, и оно ударило меня под дых. «Незаметный». Вот, значит, как он меня видит. То, что я считала своим панцирем, для него было просто пустым местом. Идеальным для использования.

— То есть, ты хочешь использовать меня как ширму, — констатировала я. — Как декорацию.

— Нет! — он поморщился. — Не так. Я хочу сказать... Ты неходишь в этот круг. Ты не будешь ничего от меня ждать. Мы просто... поиграем. Пару недель. Мне нужно, чтобы одна девушка от меня отстала. И родители. Они думают, что я все еще с Леной. А я не хочу с ней больше иметь дело. Но если я просто скажу, что мы расстались, будет скандал. А если они увидят, что я с кем-то другим... новым... это решит проблему.

— И ты решил, что «кем-то новым» могу стать я. Толстая филологичка, которая верстает журнал и пьет чай из термоса, — я горько усмехнулась. — Гениальный план. Твои родители подумают, что ты сошел с ума.

— Мне плевать, что они подумают. Главное, чтобы отстали. А Ленка... она увидит, что я не один, и успокоится.

— А если я откажусь?

— Тогда я не знаю, что делать. — Он выглядел действительно потерянным. На секунду в этом самоуверенном красавчике промелькнул обычный парень, запутавшийся в своих проблемах. Но это длилось недолго. Он снова надел маску. — Я заплачу. Сколько скажешь.

Я встала.

— Знаешь что, Орлов? Ты — эгоистичный, самовлюбленный придурок. Ищи себе другую «незаметную» девочку для своих игр. Я в них не участвую.

Я развернулась и пошла к выходу, чувствуя, как дрожат руки. Злость, обида, унижение — все смешалось в один комок. Как он посмел? Как он посмел подойти ко мне с таким предложением? Я не была вещью, которую можно взять напрокат, чтобы решить свои проблемы.

Я уже почти вышла, когда он крикнул мне вслед:

— Ковалева! Я знаю, что ты заканчиваешь на бюджете. И что тебе нужны деньги на летнюю стажировку в Питере. Я слышал, как ты говорила об этом с куратором.

Я замерла. Это было слишком. Это было подло. Он знал обо мне больше, чем я могла себе представить. Он изучал меня. Как образец. Как вариант для плана.

Я обернулась. Он стоял, засунув руки в карманы куртки. Он знал, что победил.

— Ты следил за мной? — спросила я тихо.

— Нет. Я просто хорошо слушаю, когда люди говорят. — Он пожал плечами. — Ты помогаешь мне. Я помогаю тебе. Это честная сделка. Никаких чувств, никаких обязательств. Просто игра. Через месяц мы «расстаемся», и ты уезжаешь в свой Питер с деньгами на руках. Все в выигрыше.

Я смотрела на него и понимала, что ненавижу. Ненавижу его самоуверенность, его наглость, его красивое лицо и эти темные глаза, которые, казалось, видели меня насквозь. Но еще больше я ненавидела себя за то, что задумалась. Деньги на стажировку. Моя мечта. Летний Питер, белые ночи, библиотека, архивы... Все это было так близко и так недостижимо.

Я села обратно за столик.

— Двадцать тысяч в месяц. Плюс моральный ущерб. Пятьдесят. И ты публично признаешь, что был неправ, когда назвал меня «незаметной».

Он улыбнулся. Улыбнулся искренне, впервые за весь разговор. И от этой улыбки у меня внутри что-то екнуло. Что-то, чему я не хотела давать названия.

— Договорились, Ковалева. С этого момента ты — моя девушка. Понарошку.

Он протянул руку. Я замялась. Я знала, что этот шаг изменит все. Что моя тихая, размеренная жизнь закончится. Что я ввязываюсь в опасную авантюру с самым непредсказуемым человеком в университете. Я знала, что это плохо кончится. Но я протянула руку в ответ.

— Понарошку, — эхом повторила я.

Его ладонь была теплой и сухой. Рукопожатие — крепким. Мы смотрели друг на друга, и я поняла, что подписалась на что-то, что выходит далеко за рамки «простой игры». Я не знала, что это было. Но в глубине души, где-то под слоями жира, комплексов и книжной пыли, что-то дрогнуло. Что-то, что предвещало большие неприятности.

И я, дура такая, улыбнулась в ответ.

Глава 2. (Не) Свидание

Я не спала всю ночь. Лежала в своей комнате в общежитии, уставившись в потолок, на котором расплывались тени от уличных фонарей, и прокручивала в голове наш разговор. «Незаметная». Это слово застряло в голове, как заноза. Я пыталась убедить себя, что он не хотел меня обидеть. Что для него это был комплимент — мол, ты не как все эти девчонки, которые выются вокруг него. Но осадок остался. Горький, как вчерашний кофе.

Утром я выглядела как зомби. Темные круги под глазами, бледная кожа, волосы торчат в разные стороны. Варя, которая жила в соседней комнате и всегда заходила за мной перед первой парой, посмотрела на меня с тревогой.

— Ты чего? — спросила она, протягивая мне стакан с водой. — Опять Булгаков снился? Думаешь, Маргарита — это проекция?

— Хуже, — буркнула я, делая глоток. — Орлов.

Варя замерла. Ее брови поползли вверх.

— Орлов? Максим Орлов? Тот самый? — она присела на край моей кровати, вцепившись в стакан, как в спасательный круг. — Рассказывай. Немедленно.

И я рассказала. Все. Как он подошел, как предложил, как я сначала отказалась, как он знал про стажировку, и как я согласилась. Варя слушала, открыв рот. Когда я закончила, она молчала долгих тридцать секунд. Потом выдала:

— Ты с ума сошла.

— Знаю.

— Ты в курсе, что он — ходячая катастрофа? Что у него было больше девушек, чем у меня пар носков? Что он...

— Знаю, Варь. Я все знаю. Но двадцать тысяч. Плюс моральный ущерб. Это моя стажировка. Моя мечта. Я не могу отказаться.

Она вздохнула, покачала головой, но спорить не стала. Варя знала, как много для меня значит этот Питер. Она единственная, кому я рассказывала о своих планах — уехать на лето, поработать в архиве, может быть, написать первую серьезную статью. Это был мой шанс вырваться из этого болота хотя бы на пару месяцев.

— Ладно, — сказала она наконец. — Но обещай мне одну вещь.

— Какую?

— Не влюбляйся в него.

Я рассмеялась. Искренне, от души.

— Варя, ты серьезно? Я? В него? Да я его терпеть не могу. Он — самодовольный, наглый, эгоистичный...

— Ага, — перебила она. — И красивый, харизматичный, и, судя по слухам, когда захочет, бывает невероятно милым. Такие, как он, — опасны, Алиса. Особенно для тех, у кого нет опыта. А у тебя его нет.

— Вот именно, — отрезала я. — Нет опыта. Нет иллюзий. Я прекрасно понимаю, что это игра. Деловой контракт. Не больше.

Варя посмотрела на меня долгим взглядом, но ничего не сказала. Просто встала и пошла к двери.

— Пойдем. Опоздаем на семинар. И, кстати, — она обернулась, — тебе нужно выглядеть получше. Если ты теперь «девушка Орлова», за тобой будут следить.

Это был хороший совет. За завтраком я наскоро накрасилась — немного туши, блеск для губ, — надела свои лучшие джинсы и любимый свитер оверсайз горчичного цвета. Волосы собрала в небрежный пучок. Посмотрела в зеркало. Ну, вроде ничего. Обычная я. Может, чуть более собранная, чем всегда.

На семинаре по русской поэзии Серебряного века я сидела как на иголках. Каждую секунду ждала, что он появится. Но его не было. Ни на семинаре, ни на лекции после, ни в столовой, куда я зашла перекусить с Варей. Странно. Я начала нервничать. Может, он передумал? Может, нашел кого-то получше? «Незаметнее»?

После занятий я пошла в редакцию студенческого журнала. У нас было еженедельное собрание, и я, как обычно, готовила макет. Сидела за компьютером, раскладывала статьи по полосам, когда почувствовала, что кто-то стоит за спиной. Я обернулась.

Он.

Стоял, прислонившись к дверному косяку, и смотрел на меня. В руках — два бумажных стакана с кофе. На губах — та же полуулыбка.

— Привет, — сказал он, как ни в чем не бывало. — Как дела?

Редакция замерла. Все, кто был в комнате — а там было человек пять, — уставились на нас. Я почувствовала, как кровь приливает к лицу.

— Что ты здесь делаешь? — прошипела я, вставая и подходя к нему. — Здесь нельзя находиться посторонним.

— Я не посторонний, — он протянул мне стакан. — Я твой парень. Забыла?

Он сказал это достаточно громко, чтобы все слышали. Я услышала, как за спиной кто-то ахнул. Кажется, это была Лена из ПР-отдела, которая как раз верстала свою колонку.

— Орлов, — я схватила его за руку и вытащила в коридор, — ты с ума сошел? Мы же договорились...

— Мы договорились, что я тебе плачу, а ты играешь роль, — он спокойно отпил из своего стакана. — Игра началась, Ковалева. Нужно, чтобы все поверили. Слухи распространяются быстро. К завтрашнему дню весь универ будет знать, что я приходил к тебе в редакцию с кофе. К послезавтрашнему — что мы вместе.

— Но я не готова! Мне нужно время...

— Время — роскошь, которой у нас нет, — он посерьезнел. — Слушай, у меня тоже не все просто. Ленка мне вчера написала. Угрожает. Говорит, если я не вернусь, она расскажет моим родителям про... кое-что. Мне нужно, чтобы они увидели нас вместе. Как можно скорее.

Я вздохнула. Взяла стакан с кофе. Капучино. Мой любимый. Откуда он знал?

— Ладно, — сказала я. — Но давай договоримся о правилах.

— Каких правилах?

— Первое: никаких неожиданных появлений. Предупреждай заранее. Второе: не ври мне. Если что-то меняется, я должна знать. Третье... — я замаялась. — Никаких прикосновений без необходимости.

Он поднял бровь.

— Это еще почему?

— Потому что я не хочу, чтобы это выглядело... — я не знала, как сформулировать. — Слишком реалистично.

Он усмехнулся, но кивнул.

— Хорошо. Никаких прикосновений. Если только этого не требует сценарий. Но, Ковалева, — он наклонился ближе, и я почувствовала запах его одеколона — что-то древесное, терпкое, — ты должна понимать: чтобы люди поверили, нам придется проводить время вместе. Много времени. Ты готова к этому?

Я сглотнула.

— Готова.

— Тогда завтра. После пар. Мы идем в кино. Я заеду за тобой в семь.

Он развернулся и ушел, оставив меня стоять в коридоре с остывающим кофе в руках. Из редакции выглядывали любопытные лица. Я сделала глубокий вдох, нацепила на лицо безразличие и вернулась за компьютер.

— Что это было? — прошептала Лена, когда я села обратно.

— Ничего, — сказала я, открывая макет. — Просто... знакомый.

— Знакомый? — она не поверила ни на секунду. — Орлов принес тебе кофе. Орлов. Тебе. Кофе. Это не «просто знакомый». Это...

— Лена, — я посмотрела на нее. — Занимайся своей колонкой. Пожалуйста.

Она замолчала, но я чувствовала, как она сверлит меня взглядом. Весь вечер я ловила на себе любопытные взгляды. Новость разлетелась быстрее, чем я думала. К моменту, когда я вышла из редакции, три человека спросили меня, правда ли, что мы с Орловым вместе. Я отвечала уклончиво: «Пока рано что-то говорить». Это только подогревало интерес.

Дома я долго стояла перед шкафом, выбирая, что надеть. Кино. С Максимом Орловым. Это не настоящее свидание, говорила я себе. Это работа. Но все равно нервничала так, как не нервничала перед самым сложным экзаменом.

В итоге надела простое черное платье — единственное, которое сидело на мне более-менее прилично, — и кожаную куртку. Волосы оставила распущенными. Посмотрела в зеркало. Ну, вроде ничего. Не топ-модель, но и не чучело.

Ровно в семь раздался звонок в дверь. Я открыла. Он стоял на пороге, в джинсах и сером свитере, с букетом — небольшим, из белых хризантем. Протянул мне.

— Это зачем? — спросила я, растерявшись.

— Цветы. Девушкам дарят цветы, — он пожал плечами. — Или ты хочешь, чтобы соседи подумали, что я плохой парень?

Я взяла букет. Хризантемы. Мои любимые. Опять совпадение?

— Подожди минуту, — сказала я. — Поставлю в воду.

Когда я вернулась, он стоял, разглядывая коридор общежития. Стены были выкрашены в бледно-зеленый, местами облупившийся. На полу — старый линолеум. Пахло хлоркой и чем-то жареным.

— Ты здесь живешь? — спросил он.

— Да. А что?

— Ничего. Просто... — он не закончил фразу. — Пойдем.

Мы вышли на улицу. Уже стемнело. Горели фонари, пахло осенью — сырой листвой и дождем, который только что прошел. Он открыл передо мной дверцу своей машины — черной иномарки, которую я видела на парковке у универа. Я села внутрь. Кожаный салон, запах дорогого парфюма, приглушенный свет. Я почувствовала себя неудобно. Слишком не мой мир.

— Куда мы едем? — спросила я, когда он завел мотор.

— В «Синема Парк». Там сейчас идет новый фильм. Что-то про апокалипсис. Говорят, неплохо.

— Я не люблю апокалипсис.

— А что ты любишь?

Я задумалась. Никто никогда не спрашивал меня об этом. Просто предполагали, что я должна любить. Мелодрамы. Комедии про любовь. Что-то «для девочек».

— Документальное кино. И старые фильмы. Тарковский, Феллини...

Он усмехнулся.

— Ну конечно. Филологичка.

— А что, это плохо?

— Нет. Просто предсказуемо.

Мы ехали молча. Я смотрела в окно на проплывающие огни города. Нервничала. Не знала, как себя вести. Это было странно — сидеть в машине с самым популярным парнем университета и чувствовать себя при этом абсолютно чужой.

В кинотеатре он купил билеты, попкорн и две колы. Я попыталась заплатить, но он отмахнулся.

— Я пригласил — я плачу.

— Это же не настоящее свидание.

— Какая разница? — он посмотрел на меня. — Люди не знают, что это игра. Для них мы — пара. А в паре платит тот, кто пригласил.

Мы сели на последний ряд. Свет погас, начались трейлеры. Я сидела, сжавшись, стараясь занимать как можно меньше места. Он, наоборот, развалился в кресле, закинув руку на спинку моего сиденья. Я чувствовала его близость. Это было... странно. Не неприятно, но непривычно. Я никогда не сидела так близко с парнем.

Фильм оказался именно тем, что я ожидала — громким, пафосным, с кучей спецэффектов и минимумом смысла. Я смотрела вполглаза, больше думая о том, что происходит. О том, что я сижу в кино с Максимом Орловым. Что завтра об этом узнает весь универ. Что я теперь «девушка» самого красивого парня.

В середине фильма он наклонился ко мне.

— Скучно?

— Немного.

— Хочешь уйти?

Я удивленно посмотрела на него.

— Мы же только пришли.

— И что? — он пожал плечами. — Если тебе не нравится, зачем мучиться?

Мы вышли из зала. На улице было прохладно. Он предложил пойти в кафе. Я согласилась. Мы нашли маленькую кофейню неподалеку, сели у окна. Я заказала чай, он — еще один американо.

— Расскажи о себе, — сказал он неожиданно.

— Что? Зачем?

— Ну, мы же «встречаемся». Люди обычно что-то знают друг о друге. Если нас спросят, я должен уметь ответить.

Это был логичный аргумент. Но что я могла ему рассказать? Что я — толстая девочка, которая всю жизнь пряталась за книгами? Что у меня никогда не было парня? Что я боюсь, что меня отвергнут, и поэтому даже не пытаюсь?

— Я родилась в маленьком городе. Приехала сюда учиться. Живу в общежитии. Люблю книги. Не люблю внимание. Все, — сказала я.

— Слишком мало, — он отпил кофе. — Любимый цвет?

— Зеленый.

— Любимая еда?

— Паста. С сыром.

— Любимая книга?

— «Мастер и Маргарита».

— Предсказуемо, — он улыбнулся. — А я люблю «Три товарища». Ремарк. Читала?

— Конечно.

— И как тебе?

— Грустно. Красиво. Про настоящую дружбу и любовь, которая сильнее смерти.

Он кивнул.

— Согласен.

Мы просидели в кафе почти два часа. Говорили о книгах, о музыке, о фильмах. Оказалось, что он неплохо разбирается в литературе — не так, как филологи, но с интересом. Он рассказал, что в детстве много читал, потому что родители постоянно были на работе, а он оставался один. Что книги были его друзьями.

— А сейчас? — спросила я.

— Сейчас некогда. Баскетбол, учеба, дела отца... — он поморщился. — Иногда хочется просто побыть одному. Но не получается.

Я впервые увидела его с другой стороны. Не самодовольного красавчика, а уставшего парня, который несет на себе груз ожиданий. Может, поэтому он и придумал эту игру с фиктивными отношениями? Чтобы сбежать от реальности?

Когда мы вышли из кафе, было уже поздно. Он повез меня домой. У общежития остановился, заглушил мотор.

— Спасибо за вечер, — сказала я, потянувшись к ручке двери.

— Подожди, — он взял меня за руку. Я замерла. — Завтра в универе. Нам нужно вести себя как пара. Держаться за руки. Обниматься. Может быть, даже...

— Поцелуй — это слишком, — перебила я.

— Я не про поцелуй. Просто... не шарахайся от меня. Люди смотрят.

Я кивнула. Он отпустил мою руку. Я вышла из машины и пошла к общежитию, чувствуя на себе его взгляд. Уже в комнате я поняла, что улыбаюсь. Глупо, идиотски. Как дура.

«Не влюбляйся», — сказала Варя. «Это просто игра», — сказала я себе.

Но где-то глубоко внутри, в самом темном уголке, куда я боялась заглядывать, что-то шевельнулось. Что-то опасное. Что-то, что могло все разрушить.

Я легла спать, и мне снились его глаза. Темные, почти черные. И голос, который говорил: «Расскажи о себе».

Утром я проснулась с четким пониманием: я вляпалась. По-крупному. И обратного пути нет.

Глава 3. (Не) Пара

Утро началось с того, что я не узнала свой телефон. Экран светился от уведомлений. Двадцать три сообщения в студенческом чате, восемь — в личке, три пропущенных звонка от Вари и один — от незнакомого номера. Я открыла чат.

«Ковалева и Орлов??? Это правда???»

«Видела их вчера в Синема Парке! Держались за руки!»

«Алиса, ты почему молчишь? Расскажи!»

«Орлов променял Ленку на филологичку? Серьезно?»

Последнее сообщение было от Лены. Она писала в общий чат, не стесняясь в выражениях.

«Ну удачи, Ковалева. Он тебя бросит через неделю. Как всех».

Я отложила телефон. Сердце колотилось. Вот и началось. Я знала, что будет так. Знала, что сплетни разлетятся мгновенно. Но одно дело — знать, другое — проснуться и увидеть это своими глазами.

Варя влетела в мою комнату без стука.

— Ты видела?! — она размахивала телефоном. — Ты это видела?!

— Видела, — я села на кровати. — Доброе утро.

— Какое там доброе! — она плюхнулась рядом. — Ленка вне себя. Она вчера написала пост в инстаграме. Что-то типа «некоторые думают, что могут занять мое место, но они ошибаются». Все поняли, о чем это.

— Пусть пишет. Мне все равно.

— Тебе все равно? Алиса, она тебя уничтожит. Она знает всех. Она...

— Варя, — я взяла ее за руку. — Успокойся. Я знала, на что иду. Это игра. Через месяц все закончится. Ленка успокоится. Все забудут.

Варя посмотрела на меня так, будто я сказала, что собираюсь прыгнуть с моста.

— Ты в это веришь? — спросила она тихо.

Я не ответила. Потому что не верила. Ни на секунду.

На первой паре я чувствовала себя как экспонат в музее. Все смотрели. Шептались. Показывали пальцами. Я села на свое обычное место у окна, достала тетрадь и попыталась сосредоточиться на лекции. Не получалось. Слова преподавателя превращались в белый шум.

На перемене ко мне подошла девушка из параллельной группы. Кажется, ее звали Катя. Симпатичная, стройная, с длинными светлыми волосами. Она всегда была в числе тех, кто пользовался популярностью. Мы никогда не общались.

— Алиса, привет, — она улыбнулась, но улыбка была натянутой. — Слушай, это правда? Ты и Орлов?

— А что? — я посмотрела на нее.

— Просто... странно. Вы такие разные. — Она окинула меня взглядом. Быстрым, но оценивающим. Я почувствовала, как краска заливает щеки. — Ну, в смысле, он всегда с такими... — она не закончила.

— С какими? — спросила я, хотя знала ответ.

— Ну, ты поняла. — Она пожала плечами. — Ладно, забудь. Удачи.

Она ушла. Я осталась стоять в коридоре, чувствуя, как внутри все сжимается. «С такими». Я знала, что она имела в виду. С красивыми. Стройными. С теми, кто вписывается в стандарты. А я — не вписывалась.

После второй пары я пошла в библиотеку. Мне нужно было побыть одной. Я села на свое место у окна на третьем этаже, достала книгу, но не читала. Просто смотрела в окно на серое небо и думала о том, что я делаю.

— Можно?

Я обернулась. Орлов стоял рядом, с рюкзаком на одном плече. Выглядел он, как всегда, безупречно. Свежая рубашка, джинсы, кроссовки. И улыбка, которая, казалось, говорила: «Я знаю, что ты обо мне думаешь, и мне это нравится».

— Ты меня преследуешь? — спросила я.

— Я учусь здесь, — он сел напротив. — И, вообще, я твой парень. Мне положено знать, где ты.

— Фиктивный парень.

— Не важно. — Он достал ноутбук. — Как дела?

— Отвратительно.

— Почему?

Я посмотрела на него.

— Потому что весь универ обсуждает нас. Потому что Лена пишет посты с намеками. Потому что ко мне подходят незнакомые люди и спрашивают, как я его заполучила. — Я сделала паузу. — И потому что одна девушка только что назвала меня «странным выбором».

Он поморщился.

— Кто?

— Не важно.

— Ковалева, — он закрыл ноутбук и посмотрел на меня серьезно. — Ты должна перестать реагировать на них. Это часть плана. Они будут говорить. Всегда. Но это не имеет значения. Через месяц мы расстанемся, и они забудут.

— А если не забудут?

— Забудут, — он сказал это с такой уверенностью, что я почти поверила. — Люди быстро переключаются. Сегодня мы — новость, завтра — кто-то другой.

Я вздохнула.

— Ты всегда так спокоен?

— Нет, — он неожиданно улыбнулся. — Только когда рядом кто-то, кто паникует больше меня. Это отвлекает.

Я не смогла сдержать улыбку. Он заметил это и подмигнул.

— Вот. Уже лучше.

Мы просидели в библиотеке часа два. Я делала конспект по статье о Цветаевой, он что-то печатал в ноутбуке. Иногда он отвлекался, смотрел на меня, но ничего не говорил. Мне было... спокойно. Странно, но спокойно. Как будто мы были просто двумя студентами, которые вместе готовятся к экзаменам. Обычная жизнь. Нормальные отношения.

Но это была не нормальная жизнь. Это была игра.

В четыре часа он закрыл ноутбук.

— Пойдем. Я обещал тебя проводить.

— Мне не нужно, чтобы меня провожали.

— Мне нужно, чтобы тебя видели со мной. Чем больше людей увидят, тем быстрее поверят.

Мы вышли из библиотеки. Он взял меня за руку. Я вздрогнула. Его ладонь была теплой, большой, и она полностью накрыла мою. Я чувствовала себя маленькой. Глупо, но приятно.

— Расслабься, — прошептал он. — Ты выглядишь так, будто я тебя арестовываю.

— Я просто... не привыкла.

— К чему?

— К тому, что кто-то держит меня за руку.

Он посмотрел на меня. В его глазах промелькнуло что-то — удивление? Жалость? — но тут же исчезло.

— Никогда?

— Никогда.

Он не сказал ничего. Просто крепче сжал мою руку. Мы шли по коридору, и я чувствовала на себе взгляды. Десятки взглядов. Шепот за спиной. Но впервые за день мне было все равно. Потому что его рука была теплой. И это было... приятно.

Он довел меня до общежития. У входа остановился.

— Завтра. После пар. Мы идем на ужин с моими родителями.

Я замерла.

— Что?!

— Спокойно. Это часть плана. Они хотят познакомиться с моей «девушкой». Я сказал, что мы вместе. Теперь нужно это подтвердить.

— Орлов, я не готова. Я не умею общаться с... с такими людьми.

— С какими? — он поднял бровь.

— С богатыми. С теми, кто живет в другом мире.

Он вздохнул.

— Ковалева, они обычные люди. Ну, почти. Просто будь собой. Не ври. Не притворяйся. Они это чувствуют.

— А если я им не понравлюсь?

— Это не имеет значения, — он сказал это слишком быстро. Слишком уверенно. — Через месяц мы все равно «расстанемся».

Я кивнула. Но внутри что-то сжалось. «Не имеет значения». Конечно. Почему это должно иметь значение? Это же игра.

— Во сколько? — спросила я.

— В семь. Я заеду. И, Алиса, — он впервые назвал меня по имени, не «Ковалева», — надень что-нибудь... ну, знаешь. Платье. Что-то нормальное.

Я посмотрела на него.

— У меня нет «нормальных» платьев.

— Тогда купи. Вот, — он достал из кармана конверт и протянул мне. — Здесь деньги. На платье и на все остальное.

Я уставилась на конверт.

— Ты серьезно?

— Это часть сделки.

— Мы не договаривались об этом.

— Теперь договариваемся. — Он вложил конверт мне в руку. — Не спорь. Просто возьми.

Он развернулся и ушел. Я стояла с конвертом в руках, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Это было слишком. Слишком быстро. Слишком странно. Я не знала, что делать.

Дома я открыла конверт. Внутри было десять тысяч. На платье. Я никогда не держала в руках такие деньги на одежду. Максимум, что я могла себе позволить — джинсы в масс-маркете на распродаже. А тут — десять тысяч. На одно платье.

Варя, конечно, узнала. Она всегда все узнавала.

— Ты идешь знакомиться с его родителями?! — она чуть не уронила чашку. — Алиса, это серьезно.

— Это не серьезно. Это игра.

— Игра, в которой ты познакомишься с его родителями. Ты понимаешь, что это значит?

— Что?

— Что он хочет, чтобы они поверили. По-настоящему. Это не просто «погулять за ручку». Это следующий уровень.

Я задумалась. Она была права. Но отступать было поздно.

— Ладно, — сказала я. — Тогда помоги мне выбрать платье. У меня завтра ужин.

Мы пошли в торговый центр. Я чувствовала себя неуютно среди блестящих витрин и манекенов с идеальными фигурами. Варя тащила меня по магазинам, выбирая платья, которые, по ее мнению, могли мне подойти.

— Вот это, — она протянула мне темно-зеленое платье. — Под цвет глаз.

Я взяла его. Пошла в примерочную. Надела. Посмотрела в зеркало.

Платье сидело хорошо. Оно не обтягивало, но и не висело. Мягко драпировалось, подчеркивая грудь и скрывая живот. Рукава были длинными, кружевными. Я выглядела... красивой. Впервые за долгое время я почувствовала себя красивой.

— Берем, — сказала Варя из-за шторы.

Я посмотрела на ценник. Восемь тысяч. Дорого. Но у меня были деньги Орлова. И это была часть сделки.

— Берем, — согласилась я.

Вечером я не могла найти себе места. Завтра. Ужин. С его родителями. Я представляла, как они смотрят на меня — толстую, неуклюжую, не из их круга. Как они переглядываются. Как вежливо улыбаются, но думают: «Что наш сын нашел в ней?»

Я почти не спала. Утром накрашилась тщательнее обычного. Сделала укладку — насколько это было возможно с моими непослушными волосами. Надела платье. Посмотрела в зеркало.

Ну, вроде ничего. Не топ-модель. Но и не чучело. Может, даже симпатичная.

Ровно в семь он позвонил в дверь. Я открыла. Он стоял в костюме — темно-синем, идеально сидящем. Белая рубашка, без галстука. Волосы уложены. Он выглядел... взрослым. И очень красивым.

— Ты... — он посмотрел на меня. Задержался взглядом на платье. — Ты хорошо выглядишь.

— Спасибо, — я почувствовала, как краснею.

— Пойдем. Машина ждет.

Мы ехали молча. Я нервно теребила сумочку. Он смотрел на дорогу.

— Не бойся, — сказал он вдруг. — Они не кусаются.

— А если я скажу что-то не то?

— Скажешь — исправим. Главное — не молчи. Мама не любит, когда молчат.

Ресторан, куда мы приехали, был шикарным. Высокие потолки, хрустальные люстры, официанты в белых перчатках. Я почувствовала себя Золушкой на балу. Только без феи-крестной.

Его родители уже сидели за столиком. Отец — крупный мужчина в дорогом костюме, с властным лицом. Мать — стройная женщина в элегантном платье, с безупречной укладкой. Они выглядели как пара из журнала.

— Максим, — мать поднялась, поцеловала его в щеку. Посмотрела на меня. — А это, должно быть, Алиса.

— Да, — он взял меня за руку. — Мама, папа, это Алиса. Моя девушка.

Я улыбнулась. Натянута, но вежливо.

— Очень приятно.

— Наслышаны о вас, — отец пожал мне руку. Крепко. — Максим много о вас рассказывал.

Я посмотрела на Орлова. Он рассказывал? Что он мог рассказать?

Мы сели. Начался ужин. Я чувствовала себя не в своей тарелке. Приборы были слишком блестящими, меню — слишком сложным, а вопросы — слишком личными.

— Алиса, чем вы занимаетесь? — спросила мать.

— Учусь на филологическом. Русская литература.

— Прекрасно. Это так... интеллектуально. Максим всегда любил начитанных девушек.

Я бросила взгляд на Орлова. Он едва заметно улыбнулся.

— А где вы живете?

— В общежитии.

— В общежитии? — мать подняла бровь. — Как интересно.

Я почувствовала, как сжимается горло. «Как интересно». Она не сказала это с осуждением. Но я слышала. В общежитии. Бедная студентка. Не из нашего круга.

— Мама, — вмешался Орлов. — Алиса — лучшая на курсе. Она пишет статьи, публикуется в журналах. У нее блестящее будущее.

Я удивленно посмотрела на него. Он знал это? Откуда?

Мать кивнула.

— Похвально. А родители у вас кто?

— Мама — учительница. Папа... — я замаялась. — Папа ушел из семьи, когда я была маленькой.

За столом повисла тишина. Я почувствовала, как краснею. Зачем я это сказала? Можно было соврать. Придумать что-то. Но я не умела врать. Особенно о таком.

— Простите, — сказала мать. — Это, должно быть, было тяжело.

— Ничего, — я попыталась улыбнуться. — Мы справились.

Орлов под столом взял меня за руку. Сжал. Я посмотрела на него. Он смотрел на родителей.

— Алиса — сильная. Она всего добилась сама. И я уважаю ее за это.

Я замерла. Это было... неожиданно. Он говорил это не как актер. Он говорил это как человек, который действительно так думает.

Отец кивнул.

— Это хорошо. Самостоятельность — важное качество.

Ужин продолжился. Я отвечала на вопросы, стараясь не сказать ничего лишнего. Мать была вежлива, но холодна. Отец — более открыт. Он расспрашивал о моей учебе, о планах. Я рассказывала о стажировке в Питере. Он одобрительно кивал.

Когда ужин закончился, родители попрощались. Мать поцеловала Орлова в щеку, мне кивнула.

— Было приятно познакомиться, Алиса. Надеюсь, увидимся еще.

— Взаимно, — сказала я.

Мы вышли из ресторана. Я чувствовала себя выжатой. Как лимон. Но в то же время — странно. Как будто я сдала сложный экзамен. И сдала неплохо.

В машине Орлов молчал. Я тоже. Мы ехали по ночному городу, и я смотрела на огни.

— Ты справилась, — сказал он наконец.

— Думаешь?

— Да. Мама редко кого-то хвалит. А она сказала, что хочет увидеть тебя еще.

— Это ничего не значит. Она просто вежлива.

— Ковалева, — он усмехнулся. — Ты не знаешь мою маму. Она не вежлива. Она — стратег. Если она сказала, что хочет увидеть тебя еще, значит, ты ей понравилась.

Я не поверила. Но что-то внутри дрогнуло.

Он остановился у общежития. Заглушил мотор.

— Спасибо, — сказала я. — За ужин. За то, что был рядом.

— Это часть сделки.

— Знаю, — я потянулась к ручке. — Но все равно спасибо.

— Алиса, — он взял меня за руку. Я обернулась. — Ты действительно хорошо выглядела сегодня. Я не говорил это из вежливости.

Я замерла. Его глаза смотрели на меня. Темные, почти черные. И в них было что-то, чего я не видела раньше. Что-то, от чего у меня перехватило дыхание.

— Спасибо, — прошептала я.

Он отпустил мою руку. Я вышла из машины. Пошла к общежитию. У двери обернулась. Он все еще смотрел на меня. Я помахала рукой. Он кивнул.

Дома я села на кровать и закрыла лицо руками. Сердце колотилось. В голове было пусто. Только одна мысль, навязчивая, как заноза: «Не влюбляйся. Не влюбляйся. Не влюбляйся».

Но было поздно. Я уже чувствовала, что тону. И не было ни спасательного круга, ни берега. Только он. Максим Орлов. Парень, который играл со мной. И который, сам того не зная, разбивал мне сердце.

Глава 4. (He) Привычка

Прошла неделя. Потом две. Я перестала считать дни. Жизнь разделилась на «до» и «после» — и в «после» всё было странно, ярко и до тошноты неправильно.

Мы с Орловым виделись каждый день. Не потому что хотели — потому что так было нужно. Утром он встречал меня у общежития с кофе. Капучино для меня, американо для себя. Мы шли в универ вместе, держась за руки. На лекциях сидели рядом — он на заднем ряду, я на своём обычном месте у окна, но теперь между нами не было пустых кресел. Он пересаживался. Каждый раз. И каждый раз я делала вид, что не замечаю.

В столовой он садился напротив меня, забирал мою тарелку с сосисками в тесте и говорил:

— Ты не будешь это есть.

— Это мои деньги. Что хочу, то и ем.

— Ты будешь это есть, — он ставил передо мной салат и курицу. — Поверь, я знаю, что говорю.

Я злилась. Но ела. И, честно говоря, чувствовала себя лучше. Не потому что салат был вкуснее — он был пресным и скучным, — а потому что кто-то впервые в жизни заботился о том, что я ем. Даже если это был фиктивный парень.

Мы гуляли по парку после пар. Сидели на скамейках, говорили ни о чём. Он рассказывал про баскетбол, про отца, который хотел, чтобы он пошёл в бизнес, а не в спорт. Я рассказывала про книги, про маму, которая звонила каждое воскресенье и спрашивала, не встретила ли я кого-нибудь. Я не говорила ей про Орлова. Не потому что врала — просто не знала, как объяснить. «Мама, я встречаюсь с самым популярным парнем университета. Но это не настоящему. Он платит мне деньги». Как-то не звучало.

По вечерам мы переписывались. Сначала по делу: «Завтра в 10 у главного корпуса», «Не забудь, в пятницу ужин у твоих», «Ленка спрашивала про нас, я сказал, что мы счастливы». Потом — просто так. Он скидывал мемы. Я отвечала смайликами. Он спрашивал, что я читаю. Я отвечала. Он говорил, что Ремарк лучше Булгакова. Я спорила.

Это было похоже на отношения. Настоящие. И это было самое страшное.

Я знала, что это игра. Знала, что через месяц всё закончится. Знала, что он не испытывает ко мне ничего, кроме, может быть, лёгкой симпатии — как к человеку, с которым приятно провести время. Но моё глупое, голодное до внимания сердце не хотело этого знать. Оно тянулось к нему. Как растение к солнцу. Как мотылёк к огню.

Варя видела это. И молчала. Только иногда смотрела на меня так, будто хотела что-то сказать, но не решалась. А потом всё-таки не выдержала.

— Ты влюбилась, — сказала она однажды вечером, когда мы сидели у меня в комнате и ели мороженое.

— Нет, — соврала я.

— Алиса.

— Что?

— Ты влюбилась. Я вижу.

Я отложила ложку.

— Это не имеет значения. Через две недели мы расстанемся. Он получит своё. Я получу своё. Все будут счастливы.

— А ты?

Я не ответила. Потому что не знала.

На следующий день случилось то, что должно было случиться рано или поздно. Лена.

Я шла по коридору после семинара, когда она появилась из ниоткуда. Словно ждала меня. Рядом с ней стояли две её подруги — одинаковые, как клоны, с идеальными волосами и идеальными улыбками.

— Алиса, — она преградила мне путь. — Можно поговорить?

— Мы не знакомы, — сказала я, пытаюсь обойти её.

Она схватила меня за руку. Не больно, но достаточно, чтобы остановить.

— Я Лена. Девушка Максима.

— Бывшая, — уточнила я. — Насколько я знаю.

Она усмехнулась. Красиво, но холодно.

— Слушай, я не знаю, что он тебе сказал. Может, что я сумасшедшая. Может, что я его преследую. Но я хочу, чтобы ты знала правду. Он использует тебя. Ты — просто ширма. Он не любит тебя. Он вообще никого не любит. Он не умеет.

Я почувствовала, как что-то сжимается в груди. Она говорила то, что я и так знала. Но слышать это от неё было больнее. Потому что она говорила с уверенностью человека, который знает его дольше и лучше.

— Спасибо за информацию, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Но это не твоё дело.

— Это моё дело, — её глаза сузились. — Потому что он мой. Он всегда будет моим. Ты — временная. Игрушка. Он бросит тебя, как только наиграется.

— Если ты так уверена, зачем ты здесь? — спросила я. — Если он всегда будет твоим, зачем ты тратишь время на меня?

Она замолчала. Её подруги переглянулись. Я попала в точку.

— Потому что ты — никто, — сказала она наконец. — Толстая, нищая, жалкая. Я не понимаю, что он в тебе нашёл. Но это ненадолго. Я подожду.

Она развернулась и ушла. Её подруги последовали за ней. Я осталась стоять в коридоре. Руки дрожали. Глаза жгло. Я не заплачу. Не здесь. Не при них.

Я зашла в туалет, закрылась в кабинке и простояла там десять минут. Дышала. Считала до ста. Потом вышла, умылась холодной водой и пошла на следующую пару.

Он ждал меня у аудитории. Стоял, прислонившись к стене. Увидел меня — и что-то в его лице изменилось.

— Что случилось?

— Ничего.

— Алиса. Ты плакала.

— Я не плакала. Просто умылась.

Он взял меня за подбородок, повернул к свету. Я попыталась отстраниться, но он не отпустил.

— Кто?

— Никто.

— Ковалева.

— Лена, — сдалась я. — Она подошла. Сказала, что ты меня используешь. Что ты не умеешь любить. Что я — временная.

Он убрал руку. В его глазах промелькнула злость. Настоящая.

— Она не должна была этого делать.

— Почему? Она права.

— Нет, — он сказал это резко. — Она не права.

Я посмотрела на него.

— Правда?

— Правда, — он вздохнул. — Лена видит только то, что хочет видеть. Она не знает меня. Она знает только ту версию, которую я ей показывал. Красивого парня с обложки. А ты... — он замолчал.

— Что я?

— Ты видишь меня настоящего. И не убегаешь.

Я не знала, что сказать. Он смотрел на меня, и в его глазах было что-то, от чего у меня перехватывало дыхание. Что-то, что я боялась назвать.

— Пойдём, — сказал он, взяв меня за руку. — Пропустим пару. Я знаю одно место.

Мы вышли из универа. Он вёл меня через дворы, мимо старых домов, по узким улочкам, которых я никогда не видела. Мы шли минут двадцать. Наконец остановились у небольшого сквера. Там был пруд, покрытый ряской, и старая беседка.

— Что это за место? — спросила я.

— Я прихожу сюда, когда хочу побыть один. Никто не знает.

— Зачем ты привёл меня?

Он посмотрел на меня.

— Потому что ты — не никто.

Мы сели в беседке. Я смотрела на воду. Он смотрел на меня.

— Лена сказала, что ты не умеешь любить, — сказала я тихо. — Это правда?

Он молчал долго. Так долго, что я подумала, что он не ответит.

— Я не знаю, — сказал он наконец. — Я никогда не любил. По-настоящему. Я встречался с девушками. Много. Но это было... как спорт. Как игра. Я не позволял себе привязываться.

— Почему?

— Потому что это больно. Когда привязываешься, тебя могут ранить. Предать. Оставить. Я не хочу этого.

Я посмотрела на него. Впервые я увидела его настоящего. Не красавчика, не капитана команды, не сына декана. А просто парня. Испуганного. Одинокого. Такого же, как я.

— Я тоже боюсь, — сказала я. — Я никогда ни с кем не встречалась. Потому что боюсь, что меня отвергнут. Что я недостаточно хороша. Что я — толстая, и никому не нужна.

Он взял меня за руку. Сжал.

— Ты не толстая, — сказал он. — Ты красивая.

— Не надо врать.

— Я не вру, — он посмотрел на меня. — Я вижу тебя. По-настоящему. И ты красивая. Просто ты сама этого не видишь.

Я почувствовала, как слёзы подступают к глазам. Я не хотела плакать. Но не могла остановиться. Он притянул меня к себе. Обнял. Я уткнулась лицом в его плечо и заплакала. Тихо, беззвучно. Он гладил меня по спине. Молчал.

Мы сидели так долго. Я не знала, сколько прошло времени. Мир вокруг перестал существовать. Был только он. Его тепло. Его запах. Его руки.

Когда я успокоилась, он отстранился. Посмотрел на меня.

— Ты в порядке?

— Да, — я вытерла слёзы. — Прости.

— Не извиняйся.

Он наклонился. Ближе. Ещё ближе. Я замерла. Сердце остановилось. Он собирался поцеловать меня. Я видела это. Чувствовала.

Но он остановился. В последний момент. Отстранился.

— Извини, — сказал он. — Я не должен.

— Почему?

— Потому что это игра. А игры не должны становиться реальностью.

Я кивнула. Но внутри что-то оборвалось. Что-то, что я только что начала собирать.

Мы вернулись в универ. Он довёл меня до аудитории. Не поцеловал. Не обнял. Просто кивнул.

— Увидимся завтра.

— Да. До завтра.

Он ушёл. Я стояла и смотрела ему вслед. Внутри было пусто. И больно. И я поняла, что Варя была права. Я влюбилась. По-настоящему. В парня, который никогда не полюбит меня в ответ.

Вечером я сидела в комнате и смотрела в стену. Телефон завибрировал. Сообщение от него.

«Прости за сегодня. Я не хотел тебя расстраивать».

Я смотрела на экран. Долго. Потом набрала:

«Всё нормально. Это игра. Я помню».

Он не ответил. Я тоже больше не писала. И впервые за две недели я почувствовала себя по-настоящему одинокой. Как раньше. До него.

Но это было не так. Раньше я не знала, что такое — когда тебя обнимают. Когда за тебя переживают. Когда смотрят на тебя так, будто ты — целый мир. Теперь я знала. И потерять это было страшнее, чем не иметь никогда.

Я легла спать и долго не могла заснуть. В голове крутилась одна мысль: «Что если он тоже что-то чувствует? Что если это не только игра?»

Но я гнала эту мысль. Потому что надежда — самое опасное чувство. Она может убить. Медленно. Изнутри.

Глава 5. (He) Привычка

После того вечера в беседке что-то сломалось. Или, наоборот, починилось — я не могла понять. Мы продолжали играть свои роли, но теперь между нами висела недосказанность. Тяжёлая, как мокрое пальто. Он больше не пытался меня поцеловать. Я больше не ждала. Или делала вид, что не ждала.

Но иногда я ловила его взгляд. Задумчивый. Станный. Как будто он пытался что-то решить. Что-то, что не имело отношения к нашей сделке. А потом он моргал, и взгляд исчезал. Оставалась только маска. Улыбка. Роль.

Я ненавидела эту маску. Ненавидела себя за то, что хотела видеть под ней что-то настоящее. Ненавидела его за то, что он не позволял.

Прошло ещё три дня. Мы ходили на лекции, ели в столовой, гуляли. Всё как обычно. Но я стала замечать детали. Как он открывает передо мной двери. Как запоминает, что я не люблю корицу в кофе. Как поправляет мой шарф, когда он сползает. Мелочи. Но из этих мелочей складывалось что-то большое. Что-то, что пугало меня больше, чем его холодность.

В четверг он написал: «Завтра идём на вечеринку. У моего друга. Надо, чтобы нас увидели вместе».

Я смотрела на сообщение и чувствовала, как внутри всё сжимается. Вечеринка. Его мир. Громкая музыка, яркие огни, красивые девушки в коротких платьях. Я там буду чужой. Белой вороной. Толстой филологичкой среди моделей.

«Я не хочу», — написала я.

«Надо».

«Почему?»

«Потому что Лена там будет. И мои родители будут спрашивать. И вообще. Это часть плана».

Я вздохнула и отложила телефон. Потом взяла его снова.

«Ладно. Во сколько?»

«В восемь. Я заеду. Надень что-нибудь... красивое».

Красивое. У меня не было красивого. Было то самое платье, в котором я ходила на ужин с его родителями. Тёмно-зелёное, с кружевными рукавами. Оно мне шло. Но это было единственное. И надевать его снова казалось... неправильным. Как будто я признавала, что у меня больше ничего нет.

Я позвонила Варе.

— Мне нужно платье. На вечеринку.

— У тебя есть платье. То самое.

— Оно уже было.

— И что? Никто не запомнит. Надень его.

— Варя, там будет Лена. Она будет в чём-то от кутюр. А я — в платье за восемь тысяч, которое уже все видели.

— Алиса, — голос Вари стал серьёзным. — Послушай меня. Ты идёшь туда не для того, чтобы произвести впечатление на Лену. Ты идёшь туда, потому что должна играть роль. Надень то, в чём чувствуешь себя уверенно. И всё.

Я вздохнула.

— Ладно. Но если я буду выглядеть как дура, я тебя убью.

— Договорились.

В пятницу я весь день не могла найти себе места. Пары тянулись бесконечно. Орлов сидел рядом на лекции, что-то писал в телефоне. Я смотрела на его руки. Длинные пальцы, чистые ногти, тонкое запястье. Красивые руки. Я отвернулась.

После последней пары он подошёл ко мне.

— Готова?

— Нет.

— Это нормально. Я тоже не люблю эти вечеринки.

— Тогда зачем мы идём?

— Потому что надо, — он посмотрел на меня. — И потому что я хочу, чтобы ты увидела, что там не так страшно. Люди как люди. Просто громче и ярче.

Я не поверила. Но кивнула.

Домой я вернулась в пять. Приняла душ. Долго стояла перед зеркалом в полотенце, разглядывая себя. Складки на животе. Полные руки. Бёдра. Я не была уродливой. Я была... обычной. Но рядом с ним я чувствовала себя неправильной. Слишком большой. Слишком заметной. Слишком не такой.

Я надела платье. Посмотрела в зеркало. Вроде ничего. Волосы оставила распущенными — они у меня были длинные, густые, каштановые. Единственное, что мне в себе нравилось. Накрасилась. Тёмная помада. Тушь. Немного румян.

Ровно в восемь он позвонил.

Я открыла дверь. Он стоял в чёрной рубашке, застёгнутой почти доверху, и тёмных джинсах. Выглядел... опасно. Красиво. Слишком.

Он посмотрел на меня. Долго. Я почувствовала, как краснею.

— Что? — спросила я. — Что-то не так?

— Всё так, — сказал он. — Ты красивая.

— Ты уже говорил это.

— Это не значит, что перестало быть правдой.

Мы сели в машину. Я нервно теребила сумочку. Он включил музыку. Что-то спокойное. Джаз. Я удивлённо посмотрела на него.

— Что? — он усмехнулся. — Я не только баскетбол и рэп слушаю.

— Я такого не говорила.

— Но подумала.

Я отвернулась к окну. Он видел меня насквозь. Это пугало. И притягивало.

Вечеринка проходила в загородном доме. Большом, современном, с панорамными окнами и огромной террасой. Уже на подъезде было слышно музыку. Басы отдавались в груди. Я почувствовала, как сжимается горло.

— Я не могу, — сказала я. — Давай уедем.

— Не можешь — значит, сможешь, — он взял меня за руку. — Я рядом.

Мы вошли. Внутри было полно народу. Красивые девушки в коротких платьях. Парни в рубашках. Все улыбались. Все держали бокалы. Все были из другого мира.

На нас сразу обратили внимание. Орлов — он всегда был центром. Я — потому что была рядом с ним. Я чувствовала взгляды. Оценивающие. Любопытные. Некоторые — враждебные.

— Макс! — кто-то крикнул из толпы. — Ты пришёл!

К нам подошёл парень. Высокий, светловолосый, с широкой улыбкой. Он хлопнул Орлова по плечу.

— А это, видимо, та самая Алиса, — он посмотрел на меня. Без враждебности. Просто с интересом. — Приятно познакомиться. Я Кирилл. Друг этого идиота.

— Приятно познакомиться, — сказала я тихо.

— Не слушай его, — Орлов закатил глаза. — Он преувеличивает.

— Я не преувеличиваю, — Кирилл подмигнул мне. — Я единственный, кто терпит его характер. Кстати, там Лена. Видела вас.

Орлов напрягся. Я почувствовала, как его рука на моей спине стала жёстче.

— Где?

— У бара. Пьёт что-то очень крепкое. Смотрит на вас.

Я обернулась. Лена стояла у бара. В красном платье. С бокалом в руке. Она смотрела прямо на нас. Улыбалась. Но улыбка была холодной. Как лёд.

— Не смотри, — сказал Орлов. — Пойдём танцевать.

— Я не танцую.

— Я тоже. Но это лучше, чем стоять и ждать, когда она подойдёт.

Он взял меня за руку и повёл вглубь комнаты. Там был импровизированный танцпол. Люди двигались под музыку. Свет мигал. Я замерла.

— Я не умею, — сказала я. — Серьёзно.

— Никто не умеет. Просто двигайся.

Он положил руки мне на талию. Я вздрогнула. Мы никогда не стояли так близко. Я чувствовала его тепло. Его запах. Его дыхание на своей шее.

— Расслабься, — прошептал он. — Я не кусаюсь.

— Я знаю.

— Тогда почему ты дрожишь?

— Потому что... — я не знала, что сказать.

Мы начали двигаться. Медленно. Не в такт музыке. Просто переступали с ноги на ногу. Он смотрел на меня. Я смотрела на него. Мир вокруг исчез. Были только мы.

— Почему ты согласилась? — спросил он вдруг.

— На что?

— На это. На игру. Ты могла отказаться. Я бы нашёл кого-то другого.

Я задумалась. Почему я согласилась? Из-за денег? Да. Но не только. Было что-то ещё. Что-то, что я боялась признать.

— Мне было интересно, — сказала я. — Как это — быть с кем-то. Даже понарошку.

Он посмотрел на меня. В его глазах было что-то. Что-то, что я не могла прочитать.

— И как? — спросил он. — Быть со мной?

— Сложно, — честно сказала я. — Ты — как пазл, который не хочет собираться.

Он усмехнулся.

— Может, просто не хватает деталей.

— Может.

Музыка сменилась. Что-то медленное. Романтичное. Он притянул меня ближе. Я положила голову ему на плечо. Закрывает глаза. Если это игра, думала я, пусть она длится вечно.

— Макс, — раздался голос.

Мы обернулись. Лена стояла рядом. В красном платье. С бокалом. Она смотрела на нас. Улыбалась.

— Можно тебя на минуту? — спросила она. — Поговорить.

— Мы заняты, — сказал Орлов.

— Это важно, — её голос был мягким. Слишком мягким. — Про твоего отца. Он звонил мне сегодня.

Орлов напрягся. Я почувствовала, как его руки сжались на моей талии.

— Что он сказал?

— Не здесь, — она посмотрела на меня. — Наедине.

Он посмотрел на меня. Я кивнула. Отпустила его. Он отошёл с Леной в сторону. Я осталась стоять одна. В толпе. Внезапно стало холодно.

Я смотрела, как они говорят. Лена что-то рассказывала. Орлов слушал. Его лицо было каменным. Потом он резко развернулся и пошёл ко мне. Лена улыбалась ему вслед.

— Что случилось? — спросила я.

— Ничего. Поехали.

— Но мы только пришли.

— Поехали, — он взял меня за руку. Крепко. Слишком крепко. — Пожалуйста.
Мы вышли. Я не задавала вопросов. Села в машину. Он завёл мотор и резко тронулся. Ехали молча. Я смотрела на его руки. Они дрожали.
— Орлов, — сказала я тихо. — Что она сказала?
— Ничего. Ерунда.
— Ты врёшь.
Он резко затормозил. Остановился у обочины. Повернулся ко мне.
— Мой отец. Он... — он замолчал. Сжал руль. — Он не одобряет. Наши отношения. Он сказал, что если я не брошу тебя, он перестанет платить за учёбу. За квартиру. Всё.
Я замерла.
— Что?
— Он думает, что ты — не тот человек. Что ты не из нашего круга. Что ты... — он не закончил.
— Что я толстая и бедная, — сказала я. — Он так сказал?
Орлов молчал. Молчание было ответом.
Я почувствовала, как внутри всё рушится. Я знала, что его родители не в восторге. Но чтобы так... Чтобы использовать меня как причину...
— Мне жаль, — сказал он.
— Тебе жаль? — я усмехнулась. — Ты извиняешься за своего отца?
— Я извиняюсь за то, что втянул тебя в это.
— Ты не втягивал. Я согласилась.
— Ты согласилась из-за денег. А теперь тебя оскорбляют. Это неправильно.
Я смотрела на него. В темноте машины его лицо было едва видно. Но я чувствовала, что он злится. На отца. На себя. На ситуацию.
— Что мы будем делать? — спросила я.
— Не знаю, — он вздохнул. — Я не могу потерять учёбу. Это единственное, что у меня есть. Но и бросить тебя... — он замолчал.
— Бросить меня? — я посмотрела на него. — Мы же не настоящая пара. Ты можешь «бросить» меня в любой момент. Это игра.
— Я знаю, — он сказал это тихо. — Но не хочу.
Слова повисли в воздухе. Я не знала, что они значат. Он тоже, кажется, не знал. Мы сидели в тишине. Долго. Потом он завёл машину и повёз меня домой.
У общежития он остановился. Заглушил мотор.
— Алиса.
— Что?
— Я не знаю, что будет дальше. Но я хочу, чтобы ты знала. Ты — не просто игра. Ты... — он замолчал. Подбирал слова. — Ты стала важной. Для меня.
Я смотрела на него. Сердце колотилось. Я не знала, что сказать. Что чувствовать. Это было слишком. Слишком много. Слишком быстро.
— Спокойной ночи, — сказала я. Вышла из машины. Пошла к общежитию.
— Алиса! — он крикнул мне вслед.
Я обернулась.
— Что?
Он смотрел на меня. В свете фонарей его глаза блестели.
— Ничего. Просто... спокойной ночи.
Я кивнула. Зашла внутрь. Поднялась в комнату. Закрыла дверь. Прислонилась к ней спиной. И сползла на пол.
Я не плакала. Просто сидела. И думала. О том, что он сказал. «Ты стала важной». Что это значит? Что это может значить для нас? Для меня?

Я не знала. Но впервые за долгое время я почувствовала надежду. Глупую, опасную, невозможную. Но надежду.

А потом я вспомнила слова Лены. «Он не умеет любить». И слова его отца. «Не из нашего круга». И поняла, что надежда — это не всегда хорошо. Иногда она — просто отсрочка боли. И чем больше надеешься, тем больнее падать.

Я встала. Умылась. Посмотрела в зеркало. На меня смотрела уставшая девушка в красивом платье. Девушка, которая влюбилась в парня, который не мог её полюбить. Девушка, которая играла в игру и проиграла.

Я легла спать. И впервые за долгое время мне ничего не снилось.

Утром я проснулась от сообщения. От него.

«Не приезжай сегодня в универ. Я разберусь с отцом. Всё будет хорошо».

Я смотрела на экран. «Всё будет хорошо». Как будто это что-то значило. Как будто он мог это гарантировать.

Я не поехала. Осталась дома. Весь день просидела с книгой, не видя ни строчки. Вечером он позвонил.

— Я поговорил с отцом.

— И?

— Он не передумал. Но я сказал, что не брошу тебя. Что это моё решение.

— Зачем?

— Потому что я не хочу, чтобы он решал за меня. Это моя жизнь.

Я молчала. В трубке было слышно его дыхание.

— Алиса, ты здесь?

— Здесь.

— Я не знаю, что будет дальше. Но я хочу, чтобы ты знала: я не жалею. О том, что выбрал тебя. Даже если это игра.

Я закрыла глаза. Слёзы текли по щекам. Но я улыбалась.

— Я тоже не жалею.

Мы попрощались. Я положила трубку. И поняла, что это только начало. Настоящее начало. И что дальше будет больнее. И сложнее. И, может быть, счастливее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.